

18+

Елена Светова

Многоликая смерть

Встречи со смертью

Елена Светова

**Многоликая смерть.
Встречи со смертью**

«Издательские решения»

Светова Е.

Многоликая смерть. Встречи со смертью / Е. Светова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932161-9

В комнату тяжёлой поступью вошла женщина, лет пятидесяти, короткая стрижка, седые волосы, в кирзовых сапогах и шинели.— Я твоя смерть.Какая она — смерть? Надо ли готовиться к смерти? Чем важен момент перехода? Что нас там ждёт? А что ждёт самоубийц? Есть ли ад и рай? Как хоронить? Как лучше поминать усопших? Автор размышляет на эти вопросы и делится своим личным опытом. Эту книгу можно отнести к жанрам ужасов, мистики, фэнтези, но автор описывает реальные случаи.

ISBN 978-5-44-932161-9

© Светова Е.
© Издательские решения

Содержание

Многоликая смерть	6
УБИЙСТВО СОСЕДА	7
ДЕД	11
СМЕРТЬ МАТЕРИ	14
УПРЯМАЯ	17
СМЕРТЬ ДЯДИ	19
МАЧЕХА	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Многоликая смерть Встречи со смертью

Елена Светова

© Елена Светова, 2018

ISBN 978-5-4493-2161-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Какая она – смерть?

Надо ли готовиться к смерти?

Чем важен момент перехода?

Что нас там ждёт?

А что ждёт самоубийц?

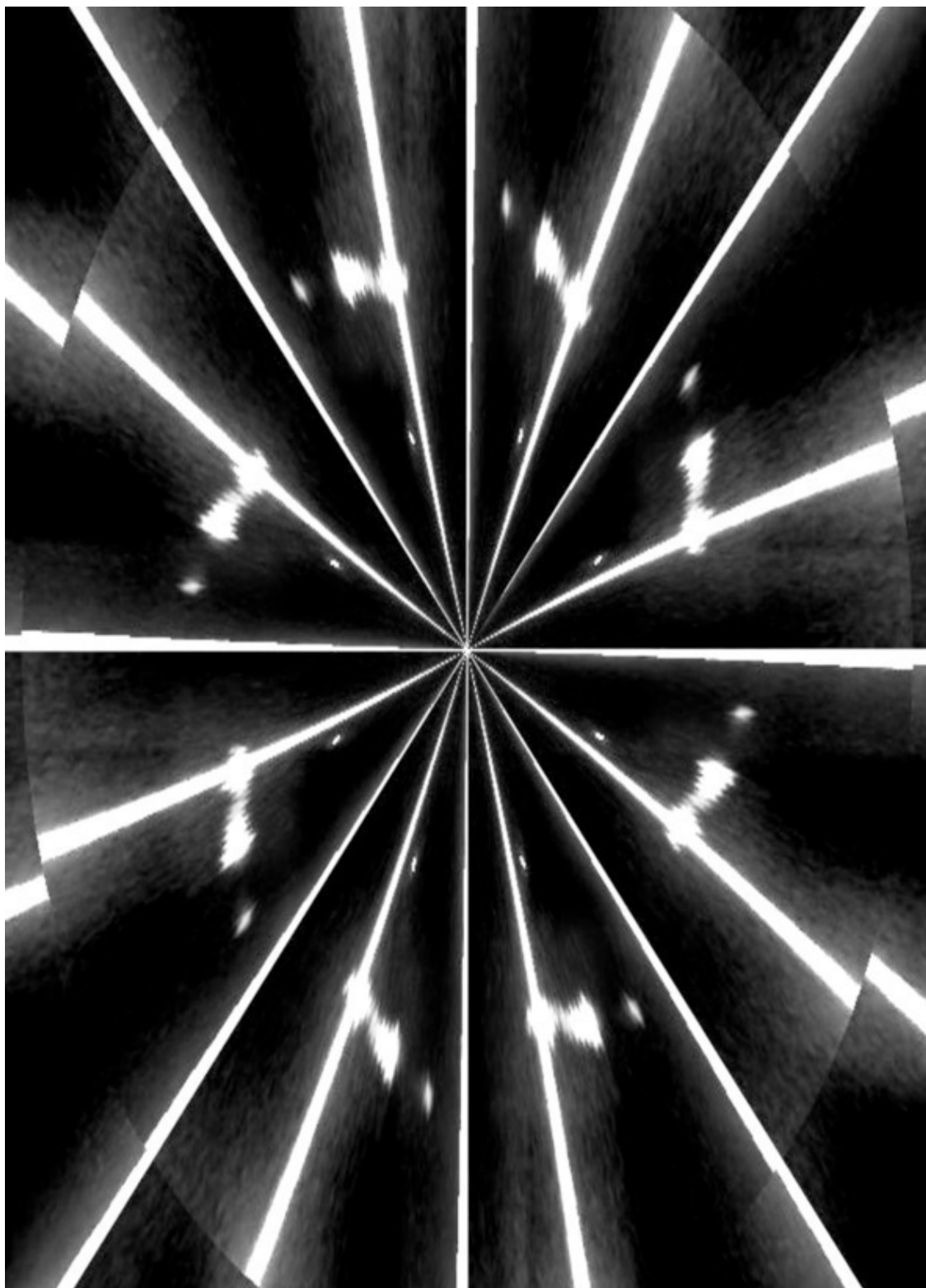
Есть ли ад и рай?

Как хоронить?

Как лучше поминать усопших?

На эти вопросы размышляет автор и делится своим личным опытом.

Многоликая смерть Встречи со смертью

УБИЙСТВО СОСЕДА

После развода Анна осталась жить в квартире с соседом. Ей было 25 лет, а ему под 50, звали Лев Георгиевич. Работал он на Автозаводе каким-то инженером. Мужчина он был со странностями. Эдакий старомодный интеллигент. Сам не готовил. Ходил вкушать в харчевню. Так он называл столовую или кафе. Где-то, в начале восьмидесятых, на Автозаводе давали колбасу по спискам. Как-то Лев Георгиевич принёс батон домой подошёл к Анне с вопросом:

– Научи-с меня, как колбасу отваривать. Пожалуйста-с.

– Не переживай, Лев Георгиевич, всё просто: берёшь кастрюльку, наливаешь воды, кладёшь туда колбасу и ждёшь, когда вода закипит. А вот, когда закипит, подожди ещё минут 10. Вот и всё.

Анна посмотрела на него со смешинками в глазах.

Единственно, что он умел – это чайник греть. Поэтому женщина пользовалась кухней одна, как в изолированной квартире.

Лев Георгиевич увлекался лекциями по атеизму. У него была этажерка книг. Одевался всегда в единственный чёрный костюм с белой рубашкой, с чёрным галстуком. Лекции читал везде, где можно. Любил ходить в продуктовые магазины. Там ему за выступление могли дать каких-нибудь продуктов. Много курил дешёвые папиросы, но, зная, что Анна не переносит запах табака, старался курить в форточку. Водился за ним грешок, любил подглядывать, как Анна моется в ванне. В то время было окно из кухни в ванну. Но молодуха быстро это пресекла. Она повесила на окно кухонный шкаф.

Анна часто детям пекла что-нибудь вкусненькое. Вот и сейчас она месила тесто. Почувствовав сзади взгляд, обернулась. Сосед стоял за углом, в прихожей и подсматривал за ней. Анна спросила:

– Лев Георгиевич, ты чего там стоишь?

– Да вот-с, хотел спросить опять, как колбасу отваривать-с. Забыл-с, – сказал, а сам с теста глаз не сводит.

Анна ему опять объяснила, а потом спросила:

– Чего так на тесто смотришь, будто сейчас умрёшь?

– Да, уж извини-с, очень-с люблю это дело.

– Тесто что-ли?

– Да-с. Можно-с попробовать? Право, мне-с не очень удобно.

– Да пожалуйста, мне не жалко, – Анна протянула ему кусок теста.

Лев Георгиевич с жадностью схватил зубами. Анна с испугом еле успела руку отдернуть.

Так они вместе прожили лет 10. Лев Георгиевич дожил до пенсии. Юбилей стал справлять в кафе. Пригласил и её, что приятно удивило. На вечере всё было пристойно. Сотрудники добродушные, интеллигентные. Все с уважением к нему относились, но Лев Георгиевич грустил. У него с молодости осталось двое детей от развода. Он их пригласил, но никто не пришёл. Наконец появилась дочь. Она пробыла минут пять и ушла. А сын так и не пришёл. Жаль было соседа. Наверное, он устроил этот вечер, чтоб дети пришли и увидели, как уважают отца. Но жизнь распорядится по-своему.

Потекли его пенсионные дни. Бывало, заходил один друг. Они закрывались в комнате и выпивали тихо, не беспокоя Анну. Как-то проходя по прихожей, Анна услышала разговор. Друг предлагал Льву Георгиевичу переехать в дом ветеранов, чтобы освободить комнату для Анны, а то она с двумя детьми живёт в одной комнате, а тут могла бы занять всю квартиру. Лев Георгиевич ответил, что ему скучно жить одному – находит меланхолия. Анна ему много помогала. Как он будет жить без неё? Анна была удивлена такому повороту. Но через несколько месяцев сосед переехал, а она заняла всю квартиру. Он пригласил мужчин с работы, чтобы помогли перевезти вещи, а Анна запекла курицу и накрыла им всем стол на новой квартире. Потом они редко виделись, если только случайно, на улице. Лев Георгиевич на жизнь не жаловался. Держал форму, бегал в парке.

А в 90-е пришла перестройка, а с ней и гласность, за которую Анна всегда благодарна Горбачёву. Появились курсы экстрасенсов. Анна пошла на первые курсы только, чтобы самой научиться лечить детей. Она была атеисткой и думала, что просто покажут какие-нибудь приёмы лечения, которые будет применять. К тому времени она уже успела побывать второй раз замужем и тут же развестись. Теперь на её руках было трое детей. Она не хотела их пичкать таблетками и думала, что на курсах ей откроются какие-то секреты.

Но жизнь развернулась круто и неожиданно. Анна постепенно стала верующим человеком. Как-то она встретила Льва Георгиевича на улице. Было лето. Они поговорили. Анна сказала, что теперь верит в Бога. Лев Георгиевич ответил, что он по-прежнему атеист. На что Анна спросила:

– Но ведь во что-то же ты веришь? Я чувствую это.

А он ответил:

– В мать-природу, пожалуй.

– Но ведь это же и есть Бог. Значит, ты тоже веришь, но по-своему.

– Интересно ты сказала. Спасибо-с. Я подумаю намерении об этом.

На том и расстались. Анна смотрела ему вслед с каким-то беспокойством, будто видела его в последний раз. Она чувствовала, что эта встреча не случайная, какая-то знаковая.

А через месяц узнала новость. Старший сын вбежал в комнату с криком, что Лев Георгиевич пропал без вести. Она спросила, откуда он знает это. Сын ответил, что соседка газету показывала. Анна сразу пошла к соседке и попросила посмотреть газету. Там была помещена маленькая фотография и рядом написано, как в таких случаях: ушел, не вернулся, пропал.

Сразу сосредоточилась на фото. Будто вплыла в старый фильм. Незаметно для себя, стала вполголоса проговаривать. Плёнка старая, жёлтая, затёртая... Трое молодых людей, лет по 20 —25... Удар сзади, по затылку... Лев Георгиевич падает лицом вниз, в листву... Вижу кровь из носа... Серая бетонная стена, рисунок – ромб...

Соседка через плечо заглядывает, спрашивая:

– Да, где тут это всё написано? А чего я не видела?

До Анны дошло, что она говорила всё вслух. Соседке сказала, что это убийство и ушла домой. Дома сразу легла на диван. Расслабилась, закрыла глаза. Спросила:

– Лев Георгиевич, где ты? Что с тобой случилось?

Увидела какой-то вакуум темноты и тонюсенький жалобный голосок соседа:

– Вот, так получилось.

Больше видений не было и звуков тоже. Анна не знала, что делать. Никто никаким ритуалам её не обучал. Что увидела, то увидела. Оставалось только молиться за него.

А ночью ей приснился сон. Городской двор. Многоэтажки, уходящие в небо. Много людей. Всех охватывает какая-то лишняя озабоченность, суета. Каждый куда-то торопится. Анна открыла глаза. Оказывается она сидела на скамейке. Четыре скамейки соединены меж собой были, как квадрат. Рядом ещё человек 10. Все сидели с закрытыми глазами – спали. Анна встала, прошлась, оглядывая двор. Вдруг увидела Льва Георгиевича, на вид, как из кино ужасов! Он был страшен: лицо бледно-серое, обескровленное. Весь какой-то грязный. Он шёл и, хаотично размахивая руками, издавал какие-то страшные мычаще-рычащие звуки, что-то прося у прохожих, но его никто не видел, не слышал.

Первая реакция была радостной, и Анна весело произнесла:

– Ну, вот! Живой ходит, а его милиция разыскивает.

Вдруг Лев Георгиевич услышал её голос и резко побежал к ней. Его мёртвое лицо с закрытыми глазами...

Анна в ужасе проснулась. Села в кровати. Время 2 часа ночи. Но, странно, её земная часть мгновенно успокоилась. Духовная часть знала, что ему нужна помощь и, что кроме неё, ему некому помочь. С этими мыслями пришло спокойствие, и Анна заснула.

Прошла неделя. Больше снов не помнила. Сегодня она проснулась рано. Открыла глаза, посмотрела, что время 6 утра. Решила ещё полежать, вставать не хотелось. Она закрыла глаза и сразу увидела Льва Георгиевича. Он сидел за столом, сзади были полки с книгами. Одет был в свой чёрный костюм, в белой рубашке с черным галстуком. Лицо было живое, румянец на щеках, а глаза счастливые. Эти глаза благодарили Анну за помощь. Анна от неожиданности резко села в постели. Одно дело, когда снится сон, а другое, когда видишь, как наяву. Немного неожиданно. С непривычки лёгкий испуг... Но, в следующее мгновение уже улыбалась. Слава Тебе, Господи, что смогла ему помочь!

Больше Лев Георгиевич ей никогда не снился. Прошёл год. В гости пришли мать и сестра. Все сидели за столом. Как-то незаметно разговор зашёл про бывшего соседа. Анна стала вспоминать сон:

– Смотрите, Лев Георгиевич был городским человеком, атеистом, не верил ни в ад, ни в рай. Вот и оказался в городе, среди городских жителей. А так, как он отрицал потустороннюю жизнь, то и не мог там ни говорить, ни видеть. Но, так как перед смертью всё-таки признал, что верит в мать-природу, то ему дали через меня шанс.

Сестра вдруг отмахнулась:

– Ой, да ладно ерунду говорить. Я твоего Льва Георгиевича видела на той недели и разговаривала с ним. Он тебе даже привет передавал. Живой, цел и невредим.

У Анны сделались квадратными глаза от удивления:

– Ну, знаешь, я, конечно, понимаю, что в родном отечестве пророка нет, но это уже слишком! Не знаю, с кем ты и где разговаривала, но я знаю то, что знаю и в своём знании уверена.

Это задело Анну. Трудно, когда единомышленников нет, но ничего страшного. Она избрала простой путь: поехала к дому ветеранов, где жил бывший сосед. Там бабки, соседки должны всё знать. Подошла к подъезду. Бабульки сидели на скамейке. Анна вежливо поздоровалась и сразу сказала, что бывшая соседка Льва Георгиевича и хотела бы узнать о нём. Бабки сразу же сказали:

– Так его год назад убили. Нашли в парке, в куче листьев.

Анна поблагодарила их и ушла. По дороге размышляла: листья я видела, но парк огорожен забором из металлической решётки, а я видела бетонную серую стенку с ромбом.

Но и тут ответ не заставил долго ждать. Через два дня ей пришлось проходить мимо парка и, напротив озера, она вдруг увидела, что туалеты в парке огорожены серой бетонной стеной с рисунком – ромб. Эта стена была только напротив туалетов, а дальше везде железная решётка. Так вот его где убили. Всё встало на свои места. И Анна с лёгким сердцем пошла дальше, радуясь, что не ошиблась.

Кто ищет, тот всегда найдёт. Надо доверять своему сердцу, оно никогда не обманет, если наполнено Светом.

ДЕД

отрывок из мемуаров

Анна подумала, сколько же ему так мучиться? Он доживал уже год с ними. Её начали беспокоить видения и сны. Каждый вечер она внутренним зрением видела, как под окнами проходили силуэты мёртвых людей. Они не входили через дверь, именно под окнами Анны, обходили дом и входили к деду в комнату через окно. Проходя, они отворачивали голову, старались проскользнуть незаметно или закрывались капюшоном, который был низко опущен. Такое ощущение, что для деда уже открылся проход на тот свет и этим проходом начали пользоваться души, ушедших людей, чтобы попасть в земной мир, навестить своих родных и знакомых.

И каждый день ей стали сниться сны, что на неё нападают чёрные животные: то корова хочет забодать, то коза, то бык, то слон с большими бивнями. Ей было тревожно. Казалось, что дед ещё мог бы прожить и три года и даже пять лет. Или она этого просто ждала? Анна не хотела верить, что он может так быстро умереть. Не хо-те-ла...

Через месяц ему исполнилось 78 лет, из которых 28 он был парализованным. Недавно приснился сон. Тёмный сон в тёмных тонах. Поздний вечер. Озеро. Она стояла на берегу. Видела, как Иисус Христос прошёл по водной глади озера. И Он – и не Он? Тёмный силуэт. Может это была Его тень? Анна испытывала и тревогу, и любовь одновременно. Любовь к Иисусу и тревогу к Его тени. Тёмный силуэт прошёл мимо, не обращая внимания на Анну. Через несколько шагов остановился, обернулся, посмотрел на неё, молча, отвернулся и ушёл. Может это был лик смерти? У неё много ликов. Каждый получает тот, который заслужил.

Анна раздваивалась: её духовная часть всё видела, слышала и знала, но земная по привычке, ни во что не верила. По привычке – велика сила привычки. Ох как велика! Люди по привычке ходят, едят, любят, крестятся и даже не задумываются, почему они это делают. Дед стал хуже есть. Какой-то был квёлый. Но вдруг, в один день, с самого утра, она услышала, как он стучит палкой – её зовёт. Анна вошла к нему. Дед уже сидел в своём фартучке за столом. Дочь удивилась, что так рано, ведь до завтрака ещё целый час. А он был весёлый. Заулыбался и попросил налить вина. У Анны от удивления поползли брови вверх. Врачи рекомендуют парализованным людям давать вино для расширения сосудов. Анна ему давала немного в обед. А тут, вдруг с самого утра?! Но отказать не смогла. Дед так жалостливо просил и такой был по-детски весёлым. Анна налила полстакана и накормила деда. Потом ушла доить коз. Но подоить не успела. Раздался сильный грохот. Сердце оборвалось как-то сразу. Она тут же побежала в комнату к деду. Удар был какой-то особенный, он никогда так сильно не падал. Дед как бревно валялся на полу. Казалось, он был пьяным. Он никак не мог помочь ей поднять его. Как это Анне удалось, она уже не помнит. Она сетовала, что нельзя было с утра пить. Но дед постарался улыбнуться и выговорил с трудом:

– Всё нор-маль-но.

Но к обеду он не протрезвел. Ел медленно, всё проливал. Анна почувала неладное. Что-то было не так. Дед валился как мешок. Она его посадит, подоткнёт подушками, а он опять валится. Поздно вечером дед уже еле дышал. Он лежал с закрытыми глазами, ртом слабо выпускал воздух. Утром Анна сбегала за фельдшерницей. Та посмотрела деда, сделала укол и сказала, что это новый паралич, если через неделю не отойдёт, значит умрёт. Посоветовала положить его на пол, чтобы он не мог упасть с кровати. Вечером Анна с сыном переложили деда вместе с матрасом на пол.

Прошло пять дней. Зашла соседка проведать. Она пообещала, что поможет деда омыть, велела её сразу звать, когда умрёт. Соседка ушла. Анна тихо сидела на кухне, не зная, куда себя деть. Вдруг чётко услышала голос деда в голове:

– Иди сюда, я боюсь, мне страшно!

Анна тут же вскочила и побежала в зал. Сын удивился, чего она вдруг засуетилась. Она спокойно ответила, что её зовёт дед, что ему одному страшно. Сейчас возьмёт свечи, тетради со своими молитвами и пойдёт к нему читать.

Вошла к деду в комнату. Он также лежал с закрытыми глазами и прерывисто дышал. В комнате чётко чувствовалось присутствие тёмных сил, которые подбирались к деду. Она сверкнула глазами, положила тетради и подняла руки вверх, очищая всю комнату своим дыханием. Это уже был не человек. Она была воином, сметавшим всю тьму вокруг. Она выдыхала одну молитву за другой, пока не почувствовала, что разогнала всю свору. Потом тихо села рядом с дедом и сказала ему вслух:

– Не бойся, я здесь, тебя не оставлю.

Анна спокойно читала, перелистывая страницы, только те молитвы, которые сердце просило, зная, что именно они нужны сейчас деду. Она читала около часа. Чувствовалось вокруг какое-то спокойствие. Дед стал дышать ровнее, тише. Вдруг он как-то особенно выдохнул и затих. Казалось, в комнате ожила тишина. Земная часть Анны обрадовалась, что дед наконец-то заснул, значит пойдёт на поправку. Но духовная знала – это смерть. Дед стал выглядеть как бы пустым. Перед Анной лежало уже пустое тело, без души. Сразу же почувствовала присутствие силы сзади. Она знала – это её величество Смерть. Анна тут же сверкнула глазами. Комната наполнилась сиянием. Дед и Анна были как под куполом. В голове раздался чёткий голос, строго, вопрошая:

– Неужели из-за денег не хочешь отдать? Хочешь жить на его пенсию? Неужели он мало страдал и не заслужил отдыха?

Стыд! Какой ужасный стыд пронзил Анну, каждую её клеточку. Сердце буквально разрывалось на части, на много-много частей. Она сразу убрала свою сияющую энергию и стала напутствовать деда:

– Дед, не бойся, ты теперь свободен. Тело всего лишь было одеждой. Не держись за него. Теперь ты здоров. Руки и ноги двигаются. Порадуйся. Порадуйся своей свободой. Ты теперь можешь всё, что хочешь: и машину водить и, даже летать.

Анна начала читать свои стихи о смерти – рассказывала деду о потусторонней жизни. Она почувствовала Радость и Любовь, самые Высшие, какие только могут быть! Теперь сердце было наполнено счастьем! Счастьем от Смерти! В глазах были слёзы, но она испытывала самое Высшее Счастье в мире!

Анна почуяла, что душу деда уже увели. Но, в то же мгновение, она также почувствовала присутствие тёмных сил. Они ждали своего часа, чтобы воспользоваться телом. Энергия разложения их манила. Анна начала читать заградительные молитвы. Тьма стояла сзади, но не могла подобраться к телу, не могла дотянуться до него. Вдруг у тела открылись глаза. Они были наполнены чёрным маслом. Потом поднялась одна рука и, шевеля указательным пальцем из стороны в сторону, пригрозила тем, кто был за спиной Анны. Это был подарок Смерти – запрет о нападении. Женщину волнами наполняло счастье. Она ещё почитала какое-то время, но почувствовав спокойную тишину, пошла, звать сына. Надо было готовиться к обмыванию тела. Они тут же выкинули все вещи на улицу и подожгли. Анна проговорила:

– Дед, сжигаю всё, чтобы освободить твою дорогу к Свету, чтобы ничего не мешало на твоём Пути. Да будет так! Аминь!

Близилась полночь. Она поставила воду греть и пошла, звать соседку, чтобы омыть тело. Соседка очень удивилась, что дед умер сразу, после её разговора с Анной, так быстро. Омывали втроём, вместе с сыном. Подростку выпала такая участь, но он всё делал спокойно, будто так

и должно быть. Анна позвонила сестре. Та сказала, что сообщит матери на следующий день, когда навестит её в больнице.

Утром Анна пошла к фельдшеру, сообщить о смерти деда. Та выписала подтверждение о смерти и объяснила, что дальше делать. Она же подсказала, где найти водителя грузовика, чтобы привести гроб. Фельдшер и медсестра растерянно смотрели на Анну:

– Как же ты одна-то справишься? Тебе бы помощник нужен.

Но у Ани здесь не было родни и приходилось всё делать самой. Сестра позвонила и сказала, что приедет с деньгами одна на следующий день. Мать лежит ещё в больнице, а Ирина Ивановна боится, что не выдержит дороги, но передала деньги на похороны. Анна попросила денег взаймы на один день у соседей. Ей дали. Потом надо было найти мужиков, чтобы выкопали могилу.

Недалеко жил знакомый алкаш Митька. Слава Богу, он был, более менее трезвый. Анна жила здесь всего второй год и мало кого знала, но он пообещал, что соберёт человек пять. Договорились, что они через час подойдут к дому.

Анна на автомате пошла искать водителя. Он согласился, и они поехали в город за гробом. Уже в грузовике вдруг Анна осознала, что последнее время ей часто снился именно грузовик. Вот оказывается к чему. Она только успела сказать, что отец тоже был водителем, что любил быть за баранкой, как у неё полились слёзы. Земная часть наконец-то взяла верх.

Машина остановилась в начале улицы. Была слякоть, а дороги на улице не было. Митька с мужиками донесли гроб сами и помогли уложить покойника. На другой день приехала сестра. Вместе с ней приехал старший сын Анны, но дочь не смогла, она была на сносях. Теперь встал вопрос, как добираться до кладбища. Но и тут ей помогли, нашли мальчика с лошастью.

На похоронах почти никого не было. Всего человек десять: мужики, несколько соседей, Анна с сыновьями и сестра. Когда стали выносить гроб, вдруг вспомнилось, как деда вносили в дом на руках. Сейчас тоже несли на руках, но уже в гробу. Вносили 17 марта, а выносили 18. Странно: ровно год, день в день. Мужиков Анна напоила вдоволь. Потом её ругали в администрации за это:

– Всех алкашей перепоила.

Но Анна спокойно возразила:

– Вы знаете, я им буду по гроб жизни обязана. Эти алкаши оказались самыми человеческими людьми. Они мне помогли во всём. А если бы не они, то кто бы это всё делал? Да, они алкаши, но совесть свою ещё не пропили.

А на другой день после похорон, позвонила сестра и сообщила, что у матери рак. Врачи сказали, что проживёт не больше месяца. Анна стояла как статуя. Казалось, что сердце превратилось в лёд. Сколько оно может выдержать?

СМЕРТЬ МАТЕРИ

отрывок из мемуаров

Мать резко перестала есть. Жара, мухи на ней кишели! Столько мух Анна никогда не видела. Мать уже была в забытии. Дочь только поила её: то молочком, то кефирчиком. Бывало, что Анна подходила к матери и нарочно звала:

– Мам, пить хочешь?

Мария тут же открывала глаза, – значит, ещё понимала и слышала, но сердце чувало, что время истекает, остались считанные дни. Был уже конец июля. Если мать умрёт, значит, пенсию дочери не дадут в августе. Анна схватила за голову. У неё не было даже на гроб. Устала, выдохлась, истощена донельзя. Она отстранённо посмотрела на мать и спокойно проговорила:

– Знаешь что, вот как хочешь, но в июле не умирай. Успеешь на тот свет, давай до августа тяни. Сделай напоследок доброе дело.

Мария глаза не открывала, но у Анны была уверенность, что она её слышит. Чувствовалось, что мать была уже в другом мире, но какая-то часть ещё была на земле... Душа уже жила своей жизнью, она ждала последние часы, когда её отпустит тело.

В один день Анна обратила внимание, что у матери глотается плохо: как-то глоток проходил тяжело, он булькал внутри три раза. Она сходила к фельдшерице и проконсультировалась. Та сказала, что это уже пища не проходит. Осталось буквально несколько дней. Анна, конечно, сама знала, но упрямо верить не хотела, а вдруг медики по-другому скажут, а вдруг...

У неё было сильное психическое истощение, она знала неизбежное, но хотелось оттянуть последний момент, как можно дольше... Наконец наступил день, когда мать перестала глотать. Анна посмотрела на неё и прошептала обречённо:

– Нет, нет, ещё рано...

Чтобы как-то отвлечься, Аня стала перебирать одежду матери, которую привезли из Нижнего. Всё лежало уже три года не ношенным. Анна позвала Лену, которая ей всегда помогала:

– Лен, бери чего, хочешь. Вон есть брюки хорошие, кофты вязанные, юбки. Мать одевалась современно, ни как старая бабка.

– Спасибо, тётя, Ань.

– Да, не за что, она сама говорила, чтобы я тебе вещи отдала. Это её благодарность тебе, по фигуре подходишь как раз.

– Тетя, Ань, ты меня зови, если помочь чего надо будет. Я завсегда помогу.

– Спасибо, Лен, позову ещё.

На улице встретила соседка, тётя Дуся:

– Ну, как мать-то? Жива ещё?

– Жива...

– Ну, чего глаза-то на мокром месте, чай уж привыкнуть должна. Человек долго болел, всё к этому и шло. Зови, когда помрёт. Мы с Кузьмань-Ольгой поможем омыть.

Анна кивнула и ушла, молча, не в силах произнести ни звука. Душили слёзы.

Было уже 30 июля. Утро. Она вошла в комнату к матери. Стояла и смотрела. Перед ней на полу на матрацах лежало на боку уже истощённое лысое существо. Это уже не была её мать, это даже на человека не было похоже.

Ну, вот, больше никто и злиться не будет. Ком слёз застрял так, что всё в горле заломило. Анне стало стыдно, что она её не отпускает. Она не выдержала и взмолилась:

– Светлые Силы, Ангелы, помогите! Нет больше сил смотреть на эт... эттто... Отпускаю, не нужна мне никакая пенсия. Похороню как-нибудь. Душа мучается, ей уже надо лететь. Она достаточно настрадалась. Помогите! Заберите! Защитите её от тьмы! Господи, помоги!

Анна ещё долго молилась, а потом резко вышла. Она знала, что исполнила свой долг, остальное помогут Силы Света. Вечером пошла за молоком к соседке через три дома. Соседки сидели на скамеечке. Анна присела тоже.

– Ну, как мать?

– Всё, уже умирает. Лежит в коме.

– Быстро как. Вроде, недавно ходила, гуляла по улице.

– Да, ну, «быстро», могла бы ещё пожить, если бы не её характер. Последнее время взялась горячую бутылку меж ног держать. Говорила, что мочевого воспалился. Я её ругала, объясняла, что нельзя греть, что это метастазы так действуют, итак вся опухоль нарывала. А она, упрямая, ничего не слушала. Только орала, что надо.... Анна вдруг закашлялась.

Женщины переговаривались меж собой, а Анна всё кашляла, чуть не до рвоты. Одна не выдержала, похлопала её по спине:

– Да, чего, ни с того, ни с сего взялась?

Анна прохрипела:

– Не знаю... Будто подавилась...

А потом резко вскочила:

– Это ведь мать зовёт...

Анна побежала домой. А за спиной раздалось:

– Странная какая-то. «Мать зовёт», а сама сказала, что в коме.

Анна влетела в комнату к матери. Слава Богу! Жива! Показалось что-ли? Сердце тревожно забилося. Мать тяжело дышала, прерывисто. Но, она чётко почувствовала, что Мария её звала. Сделалось как-то не по себе. Она попятилась к двери и тихо вышла. Время уже было полдесятого. Сын лежал на диване. Анна тоже легла на свою постель у противоположной стенки. Они долго разговаривали в темноте. Анна вдруг рассмеялась:

– Ты знаешь, сегодня сосед, дядя Вася, рассказал такой смешной анекдот...

Анна начала рассказывать, но сын её перебил:

– Мам, ты чего? Что с тобой? Ты же никогда анекдоты не рассказываешь... Я вон, слышу, бабушка идёт сюда...

– Ты, чего городишь?! Нарочно что-ли?! Нашёл чем шутить!

– Мам, я не шучу. Слышал, как у неё дверь открылась, и она пошла к нам.

– Да, ну, те....

Анна замерла на полуслове, в следующее мгновение она чётко почувствовала, что её кто-то погладил по волосам. Так мягко, легко. Сын тут же сказал:

– Вон она гладит тебя по голове, теперь ко мне подошла...

Анна с шумом выдохнула:

– Надо идти. Туда. Я не пойду одна.

Она говорила медленно, отчеканивая каждое слово, боясь потерять контроль, изо всех сил стараясь держать себя в руках. Анна не имела права впасть в панику. Её младшему сыну было ещё тяжелее: он уже в шестнадцать лет омывал своими руками деда, теперь, через три года – бабушка...

Решили идти вместе. Они прошли кухню, вышли в сени, напряжение нарастало. Анна взялась за ручку двери, руки задрожали. Она уже всё знала, но упрямо не хотела открывать. Замерла. Сын почему-то по слогам произнёс:

– Ма-ма, от-кры-вай.

Анна медленно стала открывать. Сразу чётко почувствовала, что тело пустое. Это невозможно переложить на человеческий язык, но Анна чувствовала пустоту. Души не было в том теле, что она видела перед собой. Пустая оболочка.

Женщина сделала усилие над собой, собралась:

– Тааак! Всё, как обычно: принеси воды, надо ставить греть, чтоб омывать тело.

Она – воин. Она справится.

УПРЯМАЯ

Визг тормозов, но женщина преклонных лет, только погрозила водителю легковушки пальцем, не сбавляя хода. Крепкая, как колобок, она перекатилась благополучно на другую сторону дороги, не обращая внимания на то, как водитель покрутил у виска. На обочине оставалась, ища глазами своего деда. Мужчина, бледный в лице, стоял на другой стороне. Он дождался, когда дорога стала пустой, и спокойно пошёл навстречу жене. Подойдя к ней, покачал головой:

– Люда, что ты творишь?! А, если бы задавил?! У меня же чуть сердце не разорвалось от испуга! Ты что, какая упрямая?! Зачем это?! Куда ты торопишься всё?!

На что жена возмутилась:

– Ничего не случилось. Водители всегда должны пропускать пешеходов. Они обязаны!

Дед досадливо отмахнулся:

– Эээх! Обязаны... должны... Упрямая как баран! Семьдесят пять, а ума, как в пятнадцать.

Это случилось через неделю. Они поздно вечером возвращались из сада домой. Было уже темно. Он чуть приостановился, чтобы перехватить тяжёлую тележку, а она по привычке побежала вперёд. Он видел, что стремительно несутся две машины, но не успел жену остановить. Первую машину она успешно миновала, но водителю второй не было её видно, так как обзор закрывала первая машина, да и темно уже было. В его поле зрения она появилась внезапно. Резко дал по тормозам, но всё-таки сшиб женщину. Дед закричал, но было уже поздно – Люда ничего не слышала, кроме визга тормозов.

Она осталась жива, но многочисленные ушибы и серьёзный перелом шейки бедра надолго уложили её в больницу. Мест не было. Её оставили в коридоре. Она тихо лежала, не жаловалась. Муж и дочь каждый день приходили.

Через две недели дочь поинтересовалась у врача, как дела у матери. Врач развёл руками:

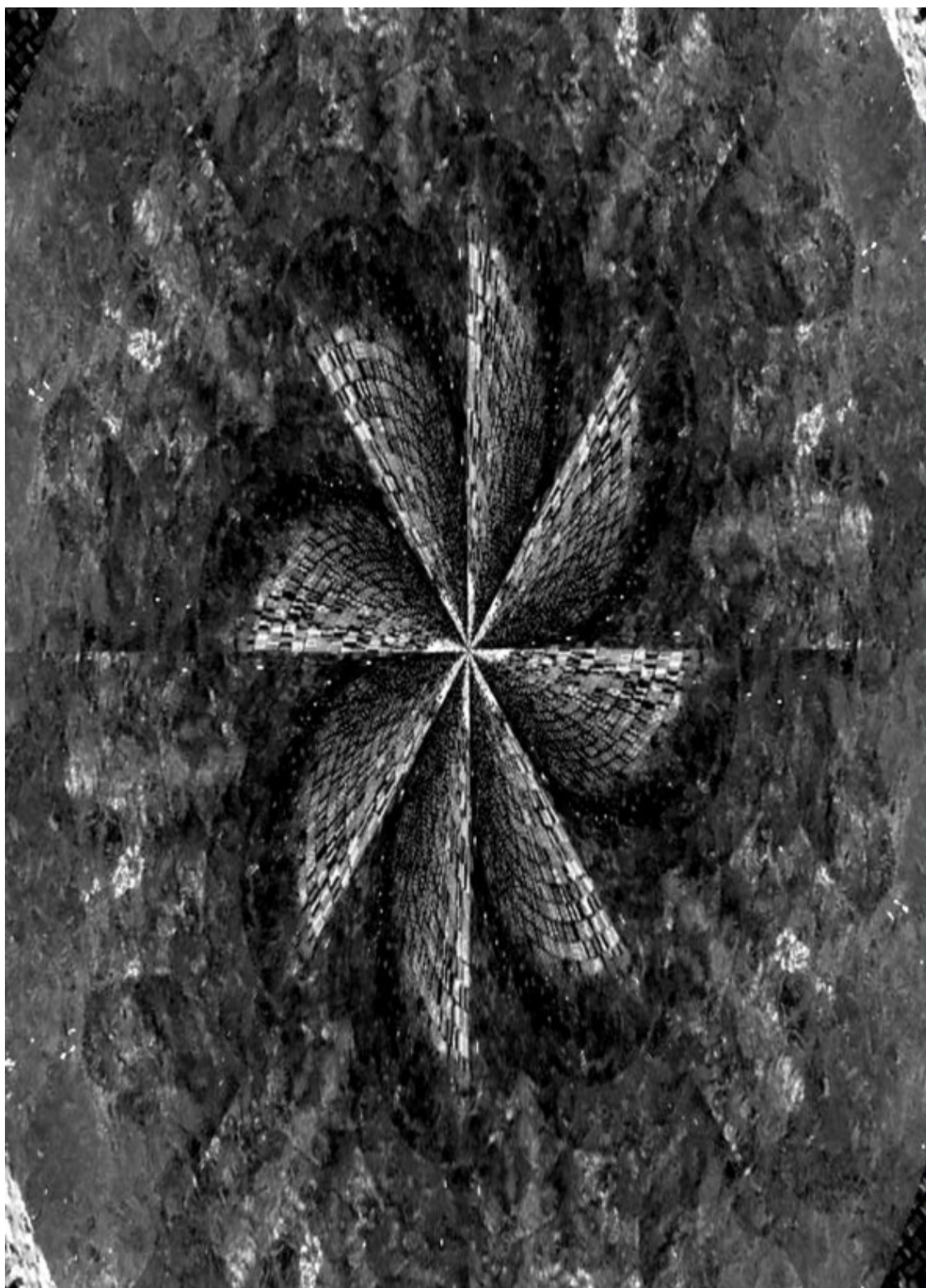
– Сахарный диабет. На его фоне раны плохо заживают. Она стабильна, но ничего определённого сказать нельзя. Сами понимаете – возраст, а травмы серьёзные. Делаем всё возможное.

Ещё неделя пролетела. Люда строго посмотрела на дочь с мужем и сказала:

– Ну, ладно, идите отсюда. Устала я, спать хочу что-то. Нечего около меня топтаться. Завтра увидимся. Всё, всё! Я устала! Оставьте меня!

Завтра для неё не наступило – Люда умерла во сне. Дочь, вспоминая ту последнюю встречу, удивлялась:

– Она так грубо и быстро прогнала, будто не хотела при нас умирать. И медсёстры ничего не заподозрили, думали спит. Только утром, когда уколы стали делать, обнаружили, что она мертва и уже давно, видимо ночью ещё... Её смерть для всех была полной неожиданностью.

СМЕРТЬ ДЯДИ

Вечер. Анна лежала в постели и читала «Письма Махатм». Прошёл уже час, но почему-то трудно давалось. Учитель Кут Хуми пишет об эволюции человека. Вроде всё просто, но что-то мешало воспринимать. Ужас. Анна, прочитав страницу, опять и опять возвращалась к началу письма. Слова пролетали мимо, было трудно что-либо понять, будто кто-то постоянно сбивал. Она снова и снова перечитывала. Нет, ну это уже слишком, чтобы один листок читать больше часа! Сегодня явно не её время. Она устала и сдалась, закрыв книгу. Лучше отложить на потом. Мозгу тоже надо давать отдых. Всё, спать. Утро вечера мудрее.

Завтра нужно ещё к матери сбегать. На днях сороковины её брату. Анна обещала помочь. На другой день мама попросила сходить в церковь, чтобы Анна заказала сорокоуст. У матери три брата. Этот умер самый первый, хотя был самый младший. Росли они без родителей, мать убило грозой, отец погиб на войне, и тётки всех сдали в детдом.

Да, жизнь у них, прямо скажем, была не сахар. Не было слова отцовского, не было руки ласковой материнской, некому было подсказать, некому было направить. Каждый рос, как мог, как сам уразумел.

Младшего звали Толя. Анна с детства помнит всех его жён, а дядя Толя был женат трижды и трижды разведён. Где-то жил ребёнок от одной жены. Где-то жили двое детей от другой жены. Сидел в тюрьме за хулиганство или мелкое воровство. А вышел: нет ни квартиры, ни семьи, ни здоровья. С диагнозом туберкулёз жил в больнице много лет. Всё-таки к пятидесяти годам дали квартиру, как инвалиду. Казалось бы, жить да жить, но вино и курево сделали своё дело, и он слёг. Одиноким, никому не нужный, кроме своей сестры. Естественно, что похороны и легли на её плечи.

Квартиру было решено отдать младшей сестре Анны. Та выделила деньги на похороны, на поминки, но от сороковин отказалась. Муж сказал: «Надоело кормить вашу родню». Ну, Бог им судья, но Анна не могла оставить мать без помощи, хотя у самой на руках было трое детей. Да и родни то почти не было в городе. Старший брат из области не приехал, а рядом жили две тётки, две сестры двоюродных, другой брат со своей семьёй. Набиралось всего чуть больше 10 человек. Мать с Анной сложились, закупили продуктов, и спокойно всех откормили.

Вечером Анна сидела дома уставшая. Решила немного почитать, но раздался звонок. В дверях стояла Оксанка. Вот решила на чай зайти. Анна заулыбалась:

– Ну, решила, так решила. Уж чаем напою. Заходи.

Они уселись на кухне и начали чаёвничать. Пили чай, болтали о том о сём. Анна спросила, что она сейчас читает. На что Оксанка ответила:

– Да, так, всего помаленьку. Тяжеловато даётся, то одно возьму, то другое.

– Ну, ты и лентяйка. Ужас, какой-то. Да, я вообще-то тоже хороша. Читала Письма Махатм. Никак и никак.

Оксанка согласно закивала:

– Я тоже тут читала эту книгу...

– Что?! – перебила Анна подругу, – Ты её читала два дня назад, в 22 часа?

– Да, два дня назад и в 10 вечера. Ты знаешь, мне вдруг захотелось почитать. Я взяла книгу и просто открыла на первой попавшейся странице. Читала около часа, но ничего не поняла.

– И где же ты, дорогая моя, читала? Я уже даже боюсь предположить.

Анна сходила в зал за книгой и протянула её, сказав:

– Давай, показывай.

Оксанка спокойно открыла книгу:

– Вот, смотри, сейчас найду. Письмо 62 стр. 243. Чего ты на меня так уставилась?

У Анны от удивления глаза на лоб поползли:

– Выходит, мы с тобой читали в один и тот же день, в одно и то же время, одну и ту же книгу и даже на одной и той же странице! И друг другу мешали?

– Даа, дела, – протянула Оксанка растерянно, – И как это понимать?

– А вот это я и сама не знаю. На данный момент нам придётся принять это просто как свершившийся факт. Я могу предположить, что ты телепатически считала мои мысли, но всё равно, в голове это трудно укладывается.

– Да, мы привыкли быть атеистами и уже сами себе не верим. Я в шоке!

Анна посмотрела на неё задумчиво:

– А, знаешь, у меня был похожий случай. Я даже записала его в дневнике. 20 мая написала стихотворение «Голос Безмолвия», а через неделю, в гостях у одной подруги, выяснила, что она писала за три дня до меня, то есть, 17 мая, стих именно с таким названием, но у неё ничего не получилось. Она была восхищена моим стихом и говорила, что такое ощущение, будто сама его написала. Это тоже пока необъяснимый факт. Чудеса случаются.

Оксанка согласилась:

– Нет слов. Действительно – чудеса.

А потом посетовала:

– Ты выглядишь неважно.

– Да, устала немного с этими поминками. Хорошо, что родни мало, хоть готовить пришлось не так много. Да, ладно, сегодня сороковой день. До годин успею отдоохнуть.

Анна как-то странно протянула последнее слово и замолчала, глядя на Оксанку. Та в свою очередь спросила:

– Ты чего замолчала? И чего на меня уставилась?

– Кто, я? А ты чего на меня смотришь?

– Говори, что случилось, – наседала Оксанка, – я что-то чувствую.

– Вот и я почувствовала, будто кто-то вошёл к нам. Может, показалось?

– Ага, показалось, сразу обеим что-ли? У меня сейчас такое неприятное ощущение, будто рядом кто-то есть.

Анна спокойно проговорила:

– Конечно, есть. Вот рядом на пустом табурете спит кот. Успокойся.

Но в следующий момент кот с диким криком сделал в воздухе сальто, приземлился на пол, выгнул спину, шерсть дыбом и зашипел на пустой табурет. Было такое впечатление, будто кота скинули с табурета и заняли его место.

У Оксанки полезли глаза на лоб, но Анна спокойно проговорила:

– Похоже, ещё одно чудо. Это, видимо, пришёл дядя Толя. Они ещё, какое-то время, пытались поддержать разговор, но ничего не получалось. Слова зависали в воздухе.

Оксанка засобиралась домой:

– Знаешь, ты уж сама со своим родственником разбирайся. Мне как-то неудобно.

Был поздний вечер. Анна проводила Оксанку и осталась одна. Заглянула в зал. Дети были заняты каждый своими делами: младший играл в кубики, а старшие смотрели телевизор.

– Дети, хотите блинчиков?

Все весело прокричали: «Даа»!

– Тогда быстро руки мыть.

Анна поспешила на кухню. Холодная колючая энергия дяди преследовала по пятам. Она не хотела с ним никакого контакта. Было противно одно его присутствие. Анна зашипела, взмахнув рукой в его сторону. Всё исчезло. Она облегчённо вздохнула. Надо же, а всё говорят, что на сороковой день души улетают. Видимо, такие, как он не улетают. Фу, как неприятно! Анна вспомнила, как один раз мать приводила его сюда, чтобы дядя отремонтировал диван. Они поговорили, Анна провела сеанс, но этого было мало. Дядя Толя сказал, что не верит ни во что. Тогда Анна спросила:

– Когда я сейчас читала молитвы, ты что-то чувствовал? Я же вижу.

Дядя согласился:

– Да, приятное расслабление. Сейчас на душе легче стало.

– Может, походишь ко мне?

– Нет, не хочу. Мне уже поздно лечиться. Да и не верю я в молитвы, в Бога.

Больше он к ней не приходил. А за полгода до смерти встретила дядю на улице. Он шёл навстречу, и она смотрела на него в упор, но дядя Толя прошёл мимо, не заметив её. Он шёл как зомби. Пустой взгляд перед собой. Даже чуть плечом её не задел. Громадная тёмная тень поглощала его. Ей явно было тесно в этом маленьком теле. Это уже был не человек, а просто оболочка, которую к тому же доедали. Начало конца. Вроде человек ходит, но он уже умер. Много таких оболочек доживают свой век.

Вскоре дядя слёг. Мать бегала к нему, готовила, стирала. Как-то она зашла к Анне, сказав, что идёт к дяде Толи, попросила, чтобы та пошла с ней. Мать жалостно посмотрела:

– Может, полечишь его?

– Мам, уже поздно. Пришло его время умирать и этого никто не остановит. И не смотри так на меня. В конце концов, я же не Иисус Христос. Даже Он исцелял при условии, что человек раскаивался в своих грехах, отказываясь от прошлого, чтобы по-новому начать жить. А дядя Толя не хочет ни от чего отказываться.

Мать обиженно повела плечом и ушла. Анна ещё слышала, как она спускалась по лестнице, как вдруг в мозгу возникла громкая мысль: ему осталось три дня, подготовь к смерти. Она тут же догнала мать и сказала ей об этом. Та не удивилась, но обрадовалась, что Анна всё-таки пошла с ней. Идти было минут 20, недалеко.

Новостройки. Девятиэтажный дом. Дядя жил на девятом этаже. Однокомнатная квартира с балконом. Мужчина лежал в постели. Анна увидела, что его тело сплошь покрыто пятнами, прыщами... Да и телом это уже нельзя было назвать, просто скелет, обтянутый кожей. Она видела такое впервые, но в то же время было ощущение, что когда-то была врачом и видела такое же у людей перед самой смертью, что видит это уже не первый раз и точно знает, что остались считанные дни, даже не дни, а уже часы... Как же его подготовить? Нельзя же сказать: «Слушай, тебе жить осталось два дня. Давай поговорим на эту тему».

Дядя Толя попросил открыть балкон. Анна открыла балкон и присела рядом с его кроватью. Он закашлялся кровью. Мать засуетилась, помогая брату:

– Хочешь, я тебе сейчас кашки сварю?

Тот согласно кивнул головой, продолжая всё время кашлять. Мать убежала на кухню.

Анна посмотрела дяде в глаза, вздохнула и начала:

– Дядя Толь, ты так ослаб, может батюшку позвать? Он отслужит молебен, и тебе станет легче.

– Не надо, я им не верю. Мне бы на улицу выйти, свежим воздухом подышать, вот и встану на ноги.

– Ну, ладно, когда окрепнешь, можно будет на улицу выходить. Да ведь сейчас ещё весна. Прохладно. Воздух не прогрелся. Надо подождать немного. Ты слишком слаб, рано ещё.

Она лихорадочно прокручивала возможные слова, чтобы подвести к разговору о смерти:

– Когда особенно тяжело, бывает душа выходит из тела, летает, а когда возвращается, чувствуешь себя отдохнувшим. У тебя бывает такое?

Дядя посмотрел на Анну как-то подозрительно и однозначно ответил:

– Нет.

– Хорошо, ещё бывает, когда в таком ослабленном состоянии, как у тебя сейчас, люди начинают видеть своих умерших родственников или ангелов, которые хотят им помочь. Не пугайся.

Дядя раздражённо прервал племянницу:

– Никого я не вижу, никто ко мне не приходит. Я курить хочу. Дайте мне курить. У меня сигареты кончились. Иди, сходи, купи.

– Кто? Я? – Анна возмущённо заворчала:

– Да, ты посмотри на себя. Кровью харкаешь, а всё сигареты на уме. Да я в жизни никому сигарет не покупала.

Пришла мать с кашей в руках:

– Хватит ворчать. Иди и купи. Я пока его покормлю.

Анна, хлопнув дверью, ушла. Да, уж! Последняя воля умирающего. И ведь не откажешься.

Вернувшись, положила на кровать сигареты со словами:

– На тебе, твои соски. Мужчина с папироской, что ребёнок с соской.

Мать сказала:

– Хватит ворчать, сказала, пора домой собираться. – Она повернулась к брату:

– Ну, я завтра приду.

– До свидания. – Анна бросила последний взгляд на дядю, зная, что больше никогда его не увидит.

Называется – подготовила. Интересно, как надо было это сделать? Ну, ладно, хоть какие-то намёки у него в мозгу всё равно остались. Пригодится.

А через день мать застала дядю, валяющимся на полу без сознания. Вызвала скорую, его увезли в больницу. Врачи предупредили сразу, что он не жилец. Ещё через день он умер. Сестра в это время ужинала дома. Вдруг поперхнулась и закашлялась. Чуть не подавилась. Почему-то сразу подумала: Толя умер. В следующее мгновение раздался телефонный звонок из больницы, где сообщили о смерти брата. А у Анны почему-то в это время встали настенные часы, хотя они были на новых батарейках.

Мать решила тело домой не везти. Рассудила так, что он никому не нужен, будет лежать один на девятом этаже, в пустой квартире. Лучше заберут из морга. Оттуда сразу на кладбище.

Анну послали в церковь, заказать панихиду и взять земельки на погребение. Решено было всем подойти к 12 часам к моргу. Гроб уже стоял на улице. Анна подошла, чтобы совершить последний обряд. Она увидела небритое лицо, окровавленные руки, связанные верёвкой и открытый рот. Неприятно вздрогнула, а мать запричитала:

– Да, я же за всё платила. Это что за безобразие: и руки-то в крови и не побрили.

Анна подавив испуг от увиденного, не показывая своего смятения, хладнокровно остановила мать:

– Успокойся. Сейчас всё поправим.

Она развязала руки. Затем попросила мать придержать челюсть, чтобы рот закрылся и, освободившейся верёвкой, прижала челюсть, завязав узелок на голове. Теперь рот был закрыт и вид не был таким устрашающим. Анна покрыла тело церковным покровом. Зашептала молитвы, рассыпая земельку. До слуха долетели слова:

– Смотрите, как лицо изменилось, как земле предался.

Затем все погрузились с гробом в машину и поехали на кладбище, а Анна побежала домой к матери, готовить обед, чтобы встретить всех потом. Женщина боялась не успеть к приезде родни. Она буквально влетела на кухню. Кое-что уже было начато матерью. Она вздох-

нула, надела фартук и приступила. К приезду родни всё было готово и столы накрыты. Только тогда вздохнула с облегчением.

Воспоминания были прерваны криком младшенького:

– Мама, я боюсь, там страшный дядя!

Анна обняла сына:

– Где сыночек? Какой страшный дядя?

– Он сидит на диване.

Мама ласково погладила пятилетнего мальчугана по голове:

– Не бойся, я с тобой.

Потом взяла его за ручку:

– Давай, показывай. Пошли, посмотрим, что за дядя.

Они вошли в комнату. Сынишка показал пальчиком на пустой диван:

– Вот он.

Другая мать, конечно, сказала бы ребёнку, что здесь никого нет, что ему всё кажется. Но это другая, но не Анна. Она подошла к дивану. Протянула руки и почувствовала уплотнение энергии. Здесь явно кто-то сидел.

– Смотри, я его сейчас прогоню.

С шипением перекрестила воздух над диваном, одновременно мысленно творя молитву. Потом ещё раз провела рукой и, почувствовав пустоту, повернулась к сыну:

– Ну, что, прогнали?

– Погнали, – согласно кивнул ребёнок.

На другой день всё повторилось. Мальчик опять с криком подбежал к матери:

– Мама, там опять дядя! Пошли погонять.

Он взял за руку Анну и потянул за собой. Когда вошли в комнату, ребёнок закричал:

– Я сам!

– Подожди, я проверю.

Анна провела рукой и опять ощутила уплотнение энергии – свидетельство чужого присутствия. Мальчик зашипел, подражая матери. Перекрестил диван, а потом замахал рукой, говоря:

– Нананья, дядя, нананья.

Анна обняла сына:

– Умница, ты моя смелая! Только до свидания больше не говори им, этим всяким там нехорошим дядям. Лучше – вон!

В следующие дни присутствие души умершего дяди участилось, но Анна упорно гнала его от себя. Как-то легла спать, но не успела закрыть глаза, как чётко увидела страшное лицо дяди в гробу. Она сразу открыла глаза. Мысленно ему ответила:

– Что, решил испугом взять? Не на ту напал. Вон отсюда!

На следующий день неприятное присутствие стало постоянным. Она вдруг чётко услышала, как он просит помощи:

– Почему ты мне не хочешь помочь? Почему ты меня гонишь? Чужим помогаешь, а родному не хочешь.

И Анна сдалась. Это был не тот злобный, наглый дух, что в первые дни являлся требовать. Это уже была истерзанная несчастная душа, которая молила о помощи. И ведь как тонко на совесть надавил. Анне действительно стало стыдно. Надо помочь. С этой мыслью засыпала.

А ночью приснился сон. Ощущение полёта. Тёмно-серый цвет. Взгляд вниз. Там много длинных бараков. Им нет конца. Похоже на концлагерь фашистов. Она спустилась на землю и кого-то спросила:

– Скажите, пожалуйста, как найти барак 52847?

Потом опять полёт и приземление. Она вошла в барак. Похоже на тюрьму, только решёток нет. Мужики сидят на драных тряпках, на полу и играют в карты. Морды у всех пропитые. Встретили её с удивлением:

– Ты кто такая? Откуда здесь взялась? Как сюда попала?

Анна строго посмотрела на них и отчеканила:

– Мне нужен дядя Толя Казаков.

Кто-то пошёл звать его. Немного погодя, дядя появился. Грязный, мятый. Анна подошла к нему:

– Ну, давай показывай, как ты тут живёшь.

Они прошли в другое помещение по лестнице вниз. Она увидела маленькую комнатку. Голый пол из некрашенных досок. Человек 10 лежали на полу. Под каждым была какая-то тряпка, похожая на мешковину. Зрелище неприятное. Ощущение безысходности. Больше Анна ничего не помнила.

После этого сна присутствие умершего дяди прекратилось. А дней через пять ей приснился другой сон. Опять полёт. Внизу мёртвая серая пустыня, на ней отдельные закрытые двухэтажные домики. Кругом ни души. Даже нет растений. Она плавно опустилась на грунт, вошла в один из домов. Большой пустой зал с лестницей наверх. В углу стоит стол с черным старым телефоном без цифр. Анна подняла трубку и произнесла:

– Анатолия Казакова на вызов.

Тут же увидела, как он спускается по лестнице. Выглядел намного лучше. Отглаженные брюки, белая рубашка. И лицо чисто выбрито. Анна подошла к нему и стала строго говорить:

– Это всё, что я смогла сделать для тебя. Большого тебе не дано. Если будешь себя плохо вести, значит, слетишь опять вниз. Но помочь я тебе уже не смогу. Просто не имею права. Да, здесь строго и тяжеловато, но намного лучше, чем было у тебя до этого. Она ещё что-то говорила, а дядя послушно спокойно стоял.

Это было в последний раз. Больше он Анне никогда не снился.

МАЧЕХА

Анна заглянула к матери в комнату:

– Мам, тебе чего сегодня приготовить на обед?

Мать оторвалась от чтения книжки и посмотрела поверх очков:

– А что у нас есть?

Дочь развела руками:

– Ну, как всегда, традиционный вопрос. Перечислить?

Мать посмотрела без улыбки:

– Да, давай.

Анна сделала глубокий вдох и начала перечислять:

– Грибы замороженные, грибы солёные, капуста квашенная, огурцы солёные, сыр, сало солёное, колбаса, картошка, компот из ягод. Яблоки из подпола могу достать. Чего ещё? Я долго могу перечислять: борщ, картошка-пюре, окорочка...

Мать устало махнула рукой:

– Ладно, хочу гречку с солёной помидорой и гороховый суп. А салат сделай – морковь с чесноком. Да, и ещё, булочек напеки твоих. Я люблю их.

Анна закатила глаза, но кротко ответила:

– Ладно, Ваше Величество, будет сделано.

Мать закрылась книгой, продолжая читать.

Анна, уже в сенях, проворчала:

– И пусть мне кто-то скажет, что я не золушка.

Она вошла в кухню. Встала посреди и засмеялась над собой:

– Давай, золушка, впрягайся. Всё, как всегда. И не ропщи на судьбу. Шевелись, шевелись! Плакать некогда!

Она подняла вверх глаза:

– Господи, я, конечно, не понимаю, за что Ты мне дал такую мать, но, заметь, не жалуюсь. Может, я в прошлой жизни была монстром? Тогда всё понятно. Вообще мне грех жаловаться. Я знаю, что Ты меня любишь, вон, даже, ещё и мачеху дал в придачу. Кто может похвалиться сразу двумя мамками?

Анна вздохнула:

– Не каждый, это точно. Только ощущение у меня странное, что это не они, а я их мать.

Тут же вспомнив про мачеху, произнесла: «Ох, Ирина Ивановна!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.